

Чэнь Таотао в ту ночь спала беспокойно. Утром следующего дня Миньюэ, заметив, что её госпожа выглядит неважно, предложила отпроситься у Старой госпожи Чэнь, чтобы та позволила пропустить утреннее приветствие.

— Не нужно. Помогай мне одеваться. Бабушка всегда была строга к нам, младшим, не стоит вызывать её недовольство.

Миньюэ подала ей простое белое платье. Чэнь Таотао посмотрела на него и подумала, что в нём она, конечно, будет выглядеть возвышенно, словно небожительница, сошедшая на землю. Её внешность от природы была мягкой и чистой, и слишком яркие наряды смотрелись бы неуместно. Но всё же...

— Миньюэ, принеси то новое платье цвета гусяного пуха, что мы недавно сшили.

Миньюэ в недоумении посмотрела на неё. Раньше госпожа носила только светлые одежды — не только потому, что они ей нравились, но и потому, что она требовала от всех слуг во дворе Нинси одеваться так же скромно.

— Скоро Новый год. Если я буду выглядеть настолько бледно, это будет совсем не к месту в такой радостный праздник.

Когда она переоделась, Миньюэ не могла скрыть восхищения. Она никогда не видела свою госпожу такой. Нежно-желтый цвет подчеркивал белизну её кожи, делая её живой и миловидной, при этом не нарушая привычной гармонии образа. Если раньше красота госпожи напоминала белую лotosовую кувшинку, покачивающуюся на легком ветру, то сегодня она была похожа на яркий бутон зимней сливы — свежий и лучезарный.

Чэнь Таотао не знала, о чем грезит Миньюэ. Она сейчас думала лишь о том, как справиться с придирчивой бабушкой. Раньше Чэнь Таотао из кожи вон лезла, чтобы угодить ей, но каждый раз оставалась ни с чем. Как же ей, нынешней, найти подход к этой старухе?

Она проклинала себя: зачем она, как автор, наделила этого второстепенного персонажа таким скверным характером? От этого никакой пользы для сюжета, одни лишь лишние хлопоты.

— Госпожа, госпожа, не идите дальше, мы уже пришли во двор Шоуань, где живет Старая госпожа.

— Уже пришли?

Чэнь Таотао подняла голову и взглянула на величественные сосны у входа и роскошные ворота двора.

Действительно, невероятная роскошь. Она думала, что её собственный двор Нинси,

построенный у озера с десятками павильонов и беседок, — это предел, но по сравнению с Шоуань он выглядел довольно скромно. В своей книге она описывала поместье герцога Чэнь как сказочно богатое, но даже не предполагала, что её собственные слова, воплотившись в реальность, произведут такое сильное впечатление.

Пока Чэнь Таотао предавалась размышлениям, до неё донесся шум, вернувший её к действительности. Неподалеку девушка в ярко-красном платье, подобном пламени, весело смеялась и перебрасывалась шутками с окружающими. Её лицо сияло, а звонкий смех был таким искренним. Если Чэнь Таотао была похожа на белую сливу, не желающую приближаться к людям, то эта девушка — на распустившийся пион под летним солнцем: яркая, свободная, открытая.

Чэнь Таотао не удивилась, увидев её. Это была не первая встреча с главной героиней, Чэнь Хаохао. Когда-то она вложила всю душу в создание этого образа — яркой, смелой, с сильным характером девушки. И она не разочаровала: при первой же встрече Чэнь Таотао сразу узнала её. Это была по-настоящему сияющая жизнь, в которой не было места мраку.

— Хаохао, давай пойдем вместе.

Она сама предложила это. На самом деле, отношения между ними никогда не были близкими. Чэнь Таотао, будучи дочерью наложницы, всегда чувствовала, что законная дочь Чэнь Хаохао смотрит на неё свысока, и много раз вежливо отклоняла её приглашения.

Чэнь Хаохао была удивлена: неужели это её старшая сестра сама зовет её? Но она с радостью приняла приглашение.

— Пойдем, старшая сестра. Твой сегодняшний наряд очень красив, он тебе к лицу. Носи такое чаще. Сестра, как ты в последнее время?

Её героиня оказалась немного шумной. Чэнь Таотао беспомощно взглянула на неё, но тут же была обезоружена её открытой улыбкой. Да, никто не смог бы устоять перед таким человеком — этой обезоруживающей яркостью. Пусть будет шумной, не страшно.

— Хорошо, идем. Не беспокойся о моей одежде, как у тебя дела? Если опоздаем, бабушка будет недовольна.

Слуги с удивлением наблюдали за непривычной близостью двух господ, особенно Минъюэ. Она чувствовала, что перестает понимать свою госпожу. Она не могла взять в толк: вокруг никого нет, зачем госпоже притворяться такой ласковой с младшей сестрой, да ещё и смотреть на неё с такой нежностью?

Вскоре они оказались перед Старой госпожой. Минъюэ не успела опомниться, как та пришла в ярость.

— Обеим немедленно вернуться в свои покои! Запрещаю выходить за порог до самого Нового года!

Девушки замерли от изумления, не понимая, в чем провинились.

— Внучка не знает, за что бабушка решила наказать нас с сестрой, — растерянно спросила Чэнь Хаохао.

— Хм, сами подумайте, что вы натворили! Уходите!

Чэнь Таотао никак не могла ожидать, что в первый же визит, не сказав ни слова, окажется под домашним арестом. К тому же, в книге такого эпизода не было!

Расставшись с Чэнь Хаохао, она в смятении вернулась во двор Нинси, пытаясь понять, где произошла ошибка. Неужели её появление всё изменило?

Ах! Чэнь Таотао вдруг вспомнила: вчера Минъюэ сказала, что Чан Ань украл что-то во дворе Хаохао, за что его избили и вернули обратно. Но в книге этого не было! Она вчера так спешила проведать его, что не обратила внимания на странность этого события.

— Минъюэ, ты помнишь, что ты вчера говорила про Чан Аня? Почему его избили?

— Вчера Цинфэн и другие привели Чан Аня во двор Ланьцан и велели ему мыть ноги слуге второй госпожи...

— Хм, вот же смертники, — Чэнь Таотао знала об этом. Когда она писала книгу, она особо подчеркивала внутреннюю борьбу и гнев Чан Аня.

— Госпожа, не волнуйтесь, он не стал мыть.

— М? События начали развиваться иначе.

— Вода уже была готова, но Чан Ань увидел на слуге из двора Ланьцан нефритовую подвеску, вырвал её и бросился наутек.

— Разве это кража? Это же открытый грабеж!

— Именно так, госпожа. И его тут же избили чуть ли не до смерти и прислали обратно.

— Он же почти при смерти, почему ты его заперла?

Минъюэ замаялась, подумав, что это сама госпожа велела ей «хорошо» позаботиться о нём.

— Кстати, госпожа, его прислала матушка Линь, что при Старой госпоже. Наши люди не посмели бы вмешиваться.

Вот оно что. Старая госпожа узнала, что они вместе издевались над слугой, и наказала их за то, что не смогли управиться со своими людьми. Не ожидала, что её бабушка окажется такой справедливой. Правда, наказание кажется слишком суровым.

А та подвеска... Чан Ань мог решиться на такой отчаянный поступок только по одной причине: это была единственная вещь, оставшаяся у него от матери. Маленький нефритовый кулон, который он носил при себе и о котором никто не знал. Даже не помня своего прошлого, он берег его как зеницу ока. А после того, как память вернулась, он хотел подарить этот кулон Хаохао, чтобы выразить свои чувства, но она отказалась. Именно после этого он решил заточить её, чтобы она всегда была рядом.

Но почему этот кулон оказался у того слуги?

— Минъюэ, проводи меня к Чан Аню.

— Госпожа, зачем вам снова к нему? Вы же сами говорили, что нельзя привлекать внимание.

Точно, открыто идти к нему нельзя. Тогда... пусть он придет ко мне.

— Минъюэ, идем во двор Ланьцан.

— Госпожа, вы же под арестом! Нужно сначала вернуться в Нинси.

Это был первый раз, когда она ступила во двор Ланьцан. В отличие от её двора, здесь не было извилистых тропинок и искусственных прудов. Всё было просто, открыто и гармонировало с характером Чэнь Хаохао. Здания купались в теплых лучах зимнего солнца, всё вокруг было наполнено жизнью.

Чэнь Хаохао действительно оказалась прекрасной героиней, подумала Чэнь Таотао, но сегодня она пришла не для того, чтобы любоваться пейзажами. Она не стала беспокоить Хаохао, а направилась прямо к тому слуге. Ей нужно было выяснить, как у него оказался нефрит.

— Минъюэ, это тот самый слуга?

— Госпожа, я только слышала о нём, никогда не видела.

Чэнь Таотао была в замешательстве. Вдруг её взгляд упал на что-то блестящее. Это был кулон! Прозрачный, теплый нефрит — такой не мог принадлежать простому слуге!

— Стоять! Ты...

— Как его зовут?

— Это Шитоу, — прошептала Миньюэ.

— Шитоу, стой. Отвечай мне. По правилам нашего поместья, какое наказание полагается слуге за присвоение чужой собственности?

Слуга по имени Шитоу испугался, услышав голос старшей госпожи. Он заискивающе улыбнулся:

— Старшая госпожа, вы шутите. В нашем поместье везде свои правила, и в вашем дворе Нинси, и в нашем Ланьцан — всё по закону.

— Ты знаешь, что кража — это тяжкое преступление? За это полагается отрубить руку и отправить на самые тяжелые работы!

Шитоу не понимал, почему добрая старшая госпожа сегодня так агрессивна. Он хотел оправдаться, но, вспомнив про кулон на поясе, упал на колени:

— Старшая госпожа, я невиновен! Посмотрите на этот нефрит, разве стал бы я так открыто носить краденое? Я нашел его у пруда с лотосами!

— Нашел?

— Да, у пруда.

Чан Ань был там в конце осени, когда лотосы завяли. Чэнь Таотао помнила, как велела слугам убрать засохшие цветы, и Чан Ань был среди них. Должно быть, тогда он и потерял кулон.

Раз уж Шитоу сам признался, почему бы не забрать вещь?

— Ты хоть знаешь, чья это вещь? — Чэнь Таотао сделала глубокомысленное лицо.

— Неужели это действительно Чан Аня?

— Конечно, нет! Это вещь, оставленная мне матерью! Видимо, её украли, чтобы продать, но потеряли. Хорошо, что ты нашел её. Чан Ань, должно быть, испугался, что всё вскроется, и поэтому устроил тот переполох вчера. Я должна тебя поблагодарить.

Чэнь Таотао говорила ласково, и Шитоу, обрадовавшись, что его не наказывают, поспешил отдать кулон.

— Старшая госпожа, я верну вам его.

Он снял подвеску и протянул ей.

— Хорошо. Минъюэ, дай ему награду, мы уходим.

Забрав нефрит, она направилась обратно в Нинси. Шитоу, получив деньги, был вне себя от радости, предвкушая, как он пойдет выпивать с друзьями, уверенный, что Чан Ань теперь точно не избежит наказания.

<http://bllate.org/book/18614/1792165>